FORVM GEOPOLITICA
Independent Commentary on a Fractured World

Атлант держит мир на своих плечах: Рокфеллер-центр, Нью-Йорк.

Как международная финансовая олигархия по-прежнему управляет миром

Алекс Крайнер утверждает, что Британская империя продолжает существовать в форме транснациональной финансовой сети. Он анализирует, как эта сеть использует государства и корпорации для сохранения своего господства посредством долговой зависимости.

Андреас Милеус

сбт 07 ноя 2026 19 мин. чтения

Бенджамин Дизраэли, *1846* год: «Миром правят совсем не те люди, которых представляют себе те, кто не посвящён в закулисные дела».

https://www.youtube.com/watch?v=j6iMXV1ONlk

Разговор профессионалов

12 октября 2026 года Паскаль Лоттац и Алекс Крайнер побеседовали на YouTube-канале Паскаля Лоттаца Neutrality Studies.

В центре обсуждения был вопрос о сохраняющемся влиянии Британской империи, которая, как принято считать, давно прекратила своё существование. Тезис Крайнера заключается в следующем: хотя Британская империя и распалась как территориальная колониальная держава, финансовая элита Великобритании, сосредоточенная в лондонском Сити, на самом деле никогда не утрачивала своей власти. Таким образом, империя как структура власти с её транснациональными элитами никуда не исчезла. Напротив, она трансформировалась из системы открытого имперского господства в практически невидимую сеть финансового капитала, политических связей, спецслужб, стратегических аналитических центров и международных институтов, умело скрывающую свою истинную роль.

Крайнер называет эту структуру «undead British Empire» — «Британской империей нежити». Речь идёт о силе, которая формально и в общественном сознании уже прекратила своё существование, однако её фундаментальные интересы, образ мышления и методы господства продолжают жить и действовать, словно весьма активный зомби.

Неоколониализм

Ключевое изменение заключается в том, что сегодня эта по-прежнему имперская власть уже не нуждается прежде всего в прямой оккупации чужих территорий. Достаточно контролировать экономические и политические условия, в которых

другие государства принимают свои решения.

Тот, кто предоставляет кредиты, определяет права собственности, контролирует концессии на добычу природных ресурсов, влияет на политические элиты и формирует военную зависимость, может господствовать над государствами, не превращая их формально в колонии. Получаемые доходы в значительной степени оседают в карманах финансовой олигархии в виде процентов по кредитам и прямой прибыли от коммерческой деятельности. При этом компании, непосредственно работающие в соответствующих странах, выступают своего рода звеньями конвейера, по которому богатства этих государств перекачиваются в хранилища лондонского Сити и Уолл-стрит.

Национальные государства и компании как инструменты перераспределения богатства

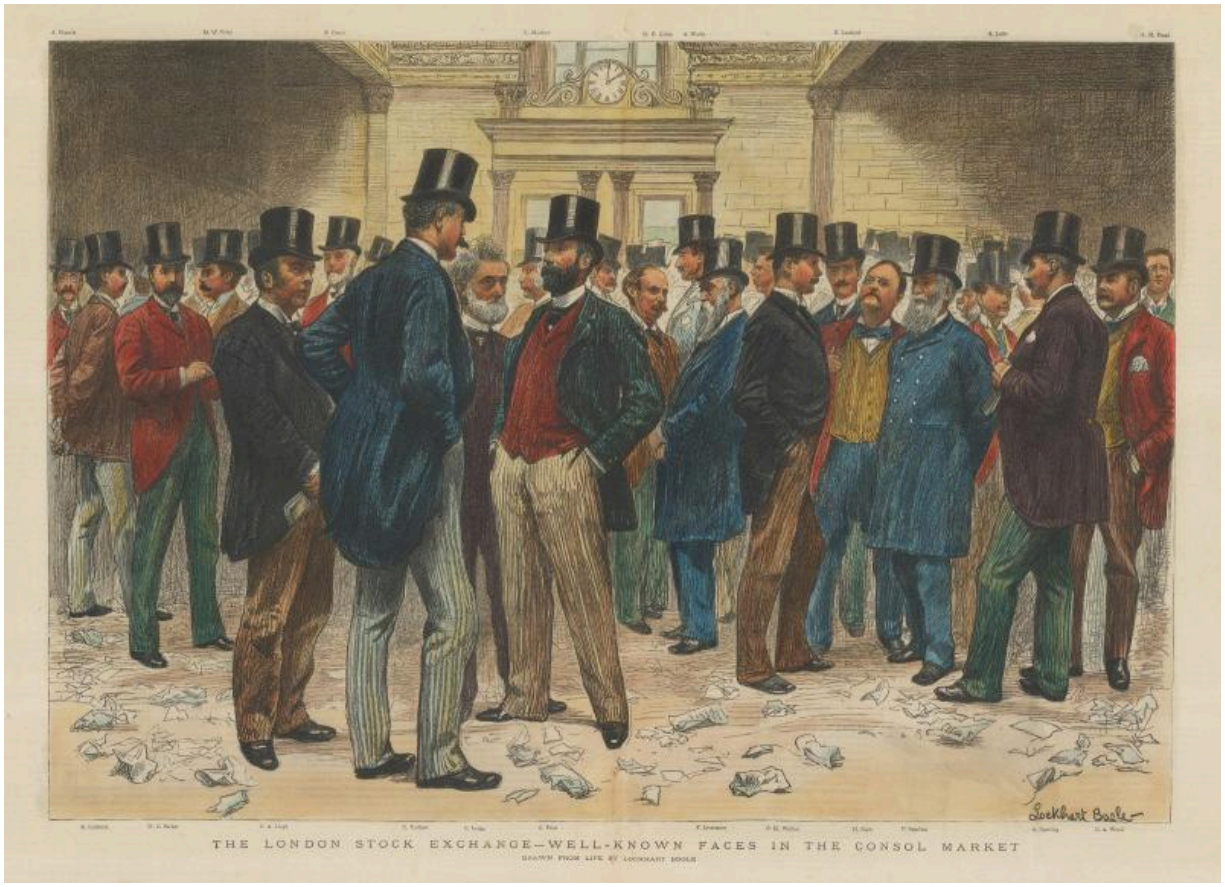
Таким образом, империя представляет собой не столько территориальное образование, сколько международную систему господства, использующую национальные государства и международные компании в качестве инструментов для продвижения своих интересов. Лондонский Сити и Уолл-стрит выступают ключевыми узлами единой глобальной сети финансовой и политической власти.

При этом Соединённые Штаты вовсе не являются суверенным преемником Британской империи. Напротив, они, как и весь остальной коллективный Запад, также служат инструментом в руках упомянутой структуры власти, которая использует экономическую и военную мощь США исключительно в собственных интересах. Соответственно, внутри США конкурируют различные силы: с одной стороны, сторонники американского национального суверенитета, с другой — укоренившиеся влиятельные сети, такие как так называемое «глубинное государство» (Deep State), которое Крайнер относит к транснациональной имперской элите.

Таким образом, понятие «британский» в данном контексте относится не к населению Великобритании и не к правительству в Лондоне — хотя это правительство, как и правительства других европейских стран, старательно и подобострастно обслуживает интересы своих хозяев. Скорее, это географическое определение указывает на то, что значительная часть упомянутой системы господства имеет свои корни и центр в Великобритании.

Таким образом, ключевой вопрос мировой политики заключается не в том, какое государство официально обладает наибольшей властью, а в том, кто благодаря своему финансовому могуществу контролирует политические, финансовые и институциональные структуры, через которые эта власть осуществляется.

Совсем иначе эту картину представляет традиционная историческая наука, основы которой все мы изучаем в школах на Западе. Если рассматривать империи исключительно как государства, обладающие колониями, то мы упускаем из виду те структуры власти, которые пережили распад формальной колониальной системы и продолжают действовать под новыми названиями, сохраняя схожие механизмы влияния. При этом они в значительной степени контролируются финансовой империей, деятельность которой координируется на протяжении многих поколений.

Уильям Локхарт Богл, «Столпы города: сцена на бирже», 1891 год. Опубликовано в иллюстрированной лондонской прессе. Среди изображённых на картине лиц можно различить, в частности: лорда Натаниэля Майера Ротшильда (1840–1915), 1-го барона Ротшильда, а также достопочтенного Лайонела Уолтера Ротшильда (1868–1937), его сына, и Карла Фердинанда Мейера, банкира из окружения семьи Ротшильдов.

Король Карл III получает строгие указания от своего босса Эвелина де Ротшильда (фото: Getty Images).

И раз уж мы заговорили об этом:

ЛОНДОН, АНГЛИЯ — 11 ДЕКАБРЯ: Принц Чарльз, принц Уэльский и покровитель премии Arts and Business Awards, вручает лорду Джейкобу Ротшильду, четвёртому барону Ротшильду, одному из пяти лауреатов, медаль принца Уэльского за благотворительную деятельность (Prince of Wales Medal for Philanthropy 2013) на церемонии, состоявшейся 11 декабря 2013 года в Лондоне, Англия. (Фото: Alastair Grant — WPA Pool/Getty Images).

Многовековой картель

В 1880-х годах разразилась знаменитая в то время ценовая война на нефтяном рынке между Рокфеллерами и семьёй Ротшильдов. Влиятельная семья Ротшильдов вышла на российский нефтяной рынок, предоставив братьям Нобель кредиты на бурение нефтяных скважин и создание транспортной инфраструктуры для экспорта нефти в Европу и на мировой рынок. Джон Д. Рокфеллер увидел в этом серьёзную угрозу мировому господству своей компании Standard Oil. Ценовая война вынудила Рокфеллера в 1892 году пригласить в Нью-Йорк на переговоры главу французской ветви семьи Ротшильдов, барона Альфонса де Ротшильда. Переговоры завершились перемирием, в результате которого конкурирующие семьи заключили союз (см., например: Ron Chernow, Titan: The Life of John D. Rockefeller, Sr., Нью-Йорк, 1998, с. 556). Эти тесные связи сохранились и оказали значительное влияние на экономическое и политическое развитие XX века.

Филантропы в своём кругу: лорд Джейкоб Ротшильд, четвёртый барон Ротшильд, и Дэвид Рокфеллер в библиотеке нью-йоркского особняка Дэвида Рокфеллера, май 2012 года (фото Энни Лейбовиц).

Биографии этих семей должны быть в каждой домашней библиотеке.

Югославия: как общество превращается в арену военных действий

Крайнер рассказывает, что побудило его на протяжении десятилетий изучать эти взаимосвязи. В молодости, когда ему было чуть больше двадцати лет, он безоговорочно принял господствовавшую тогда версию о предполагаемых причинах войны в Югославии и добровольно отправился воевать. Однако впоследствии он оказался в полном недоумении и задался вопросом: «Как вообще могла начаться эта война?» С тех пор этот вопрос не давал ему покоя.

> «Если бы примерно за неделю до начала войны ты спросил кого-нибудь в бывшей Югославии — в Хорватии, Сербии или других республиках — о возможности войны, *99%* людей ответили бы тебе, что это невозможно. Что войны никогда не будет».
>
> АЛЕКС КРАЙНЕР

Его мать — сербка, а отец — хорват.

> «Таких, как я, было много. Люди происходили из смешанных семей. Мы даже толком не знали, кто к какой национальности принадлежит, потому что это не имело никакого значения. Все выглядели совершенно обычно. Даже представители мусульманского меньшинства — когда с ними общаешься, они ничем не отличались от меня. Не было ни ваххабизма, ни экстремизма, ни чего-либо подобного».
>
> АЛЕКС КРАЙНЕР

Не этническая и не религиозная война

Он описывает общество, в котором люди разного религиозного и этнического происхождения мирно жили бок о бок по всей стране, создавали семьи и в повседневной жизни совершенно не придавали значения своей национальной принадлежности. Как же могло случиться, что столь мирное общество за относительно короткое время оказалось охвачено ожесточённым конфликтом?

Свой ответ он иллюстрирует с помощью современного мифа о красных и чёрных муравьях в банке. Пока муравьи спокойно живут рядом друг с другом, они не враждуют. Однако если банку сильно встряхнуть, муравьи впадают в панику и начинают нападать друг на друга. Внезапно они начинают воспринимать других муравьёв как угрозу, хотя сами те ничуть не изменились. Это яркая метафора, хотя биологи и не подтверждают подобное поведение муравьёв.

Смысл этой метафоры заключается в следующем: этнические и религиозные различия вовсе не обязательно ведут к войне. Однако их можно использовать в политических целях, искусственно раздувая противоречия и представляя другие группы как смертельную угрозу. Как только люди начинают верить, что представители другой группы намерены напасть на них или даже уничтожить их, возникают страх, готовность к сопротивлению и в конечном итоге насилие.

Причина войны: геополитические амбиции международной финансовой олигархии

Таким образом, эта война стала не результатом внутреннего распада, многовековой вражды, религиозных разногласий или якобы неизбежного этнического раскола. Напротив, она возникла вследствие политических решений, пропаганды, борьбы за

власть между различными институтами и усиления ощущения угрозы, целенаправленно спровоцированного извне. Крайнер убеждён, что именно «неживая» Британская империя сыграла ключевую роль в том, чтобы ввергнуть этот регион в войну.

Запланированная цель: ослабление России

Как и во время Первой и Второй мировых войн, а также холодной войны, целью было по возможности ослабить Россию. Ради этого Югославию начали превращать в пороховую бочку, а затем подожгли фитиль. Здесь невольно напрашивается параллель с войной на Украине. Центральную власть таких государств, как Югославия и Украина, побуждают бороться против стремления отдельных республик или регионов к независимости и отделению, когда те хотят выйти из состава государства или хотя бы перестать подчиняться центральному правительству. Белград во главе со Слободаном Милошевичем, как и Киев во главе с Владимиром Зеленским, использовался в качестве инструмента для того, чтобы втянуть Россию в войну в регионе и тем самым ослабить её.

Британская финансовая олигархия, как утверждается, сыграла решающую роль в обострении конфликтов на территории бывшей Югославии и направлении распада страны в определённое русло. Первоначально она поддерживала централизованное югославское государство во главе с Белградом, хотя такая политика неизбежно должна была вызвать сопротивление республик, стремившихся к независимости. Одновременно западное эмбарго на поставки оружия затрудняло отделявшимся республикам возможность защищаться военным путём. Для Советского Союза растущее влияние Запада на Белград и усиление центральной власти представляли конкретную угрозу, особенно с учётом того, что, согласно этой точке зрения, лондонский Сити уже на протяжении десятилетий добивался расчленения России. Поэтому СССР обходил западное эмбарго на поставки оружия югославским республикам и, в частности, продавал вооружения Хорватии.

Коррумпированные главы государств в роли подставных фигур

Крайнер подчёркивает, что не считает тогдашнее сербское руководство во главе со Слободаном Милошевичем бескорыстным защитником интересов сербского народа. По его мнению, сам Милошевич был одним из тех совершенно беспринципных аппаратчиков, которых на самом деле мало заботила судьба сербского народа. Вместо этого он выполнял полученные указания. Семейный клан, который в то время руководил Национальным банком Сербии, направил его на четыре года в Нью-Йорк в качестве представителя одного из крупнейших банков бывшей Югославии. После возвращения из Нью-Йорка Милошевич неожиданно был назначен председателем Коммунистической партии Сербии и начал создавать

условия для захвата власти с целью централизации Югославии под управлением Белграда. При этом он пользовался последовательной поддержкой западных властных структур. Права и свободы отдельных республик были ограничены — и тем самым банку с муравьями встряхнули.

Ошибочная трактовка истории

Крайнер выступает против трактовки истории, согласно которой конфликты объясняются прежде всего местными этническими противоречиями, а внешнее влияние рассматривается лишь как последующее вмешательство. Он предлагает иной взгляд: местные противоречия хотя и создают почву для конфликта, но именно интересы внешних сил определяют, когда и каким образом он перерастает в масштабную войну.

Геополитическое значение Балкан: региональный конфликт как возможный повод для начала большой войны

Балканы имеют особое значение для глобальной стратегии борьбы за влияние. Крайнер обращает внимание на стратегическое положение региона между Средиземным морем и Восточной Европой. Балканы находятся на пересечении важнейших транспортных путей, экономических пространств и зон военного влияния. Кроме того, исторически этот регион неоднократно становился отправной точкой крупных европейских конфликтов. Не случайно именно здесь произошло событие, послужившее непосредственным поводом для начала Первой мировой войны. Новый кризис на Балканах мог бы надолго втянуть Россию в противостояние и ослабить её. В этом контексте сам регион является не столько конечной целью, сколько геополитическим рычагом давления на Россию. Как показывает война на Украине, предполагается удерживать Россию под постоянным давлением посредством цепочки региональных кризисов — от Балтийского моря через Балканы до Восточного Средиземноморья и Восточной Азии.

Преемственность имперской стратегии

В этой связи Крайнер ссылается на британского географа и геополитика Хэлфорда Маккиндера, который ещё в начале XX века подчёркивал значение центральной части Евразии для глобального баланса сил.

Идеи Маккиндера относятся к классическим теориям геополитики, а современная политика рассматривается как продолжение прежней имперской стратегии: морские державы должны окружить центральную часть Евразии зонами своего стратегического влияния и очагами напряжённости, чтобы не допустить господства какой-либо одной континентальной державы.

Главной целью при этом является Россия, которая в силу своей огромной территории, богатых природных ресурсов и географического положения рассматривается как потенциальный противник западных морских держав.

С этой точки зрения современная геополитика представляет собой не череду независимых друг от друга кризисов, а различные проявления долгосрочной борьбы за контроль над евразийским пространством.

Босния и Герцеговина: намеренно поддерживаемая нестабильность

Особенно наглядно аргументация Крайнера проявляется на примере Боснии и Герцеговины. Он описывает государственное устройство страны как политическую конструкцию, которая после заключения Дейтонского соглашения в 1995 году положила конец войне, но одновременно закрепила существующие институциональные противоречия. Для страны характерна сложная система распределения власти между боснийцами-мусульманами, сербами и хорватами, а также между различными уровнями государственного управления. По мнению Крайнера, эта система представляет собой не просто непростой компромисс между группами населения с различными интересами, а структуру, в которой в любой момент можно вновь спровоцировать обострение конфликта.

Это можно увидеть на примере Республики Сербской — преимущественно сербского образования в составе Боснии и Герцеговины. По словам Крайнера, международное вмешательство, политические меры общегосударственных институтов и давление на руководство Республики Сербской значительно обострили напряжённость. Британская политика, по его мнению, была направлена на провоцирование сербского руководства и способствовала развитию ситуации, при которой отделение Республики Сербской, ответные меры центральной власти и вооружённые столкновения становились всё более вероятными. Всё это он рассматривает как попытку открыть на Балканах ещё один фронт противостояния между Западом и Россией.

Приход Трампа к власти как поворотный момент: частичное сотрудничество с Москвой

По словам Крайнера, в начале 2025 года, с приходом Дональда Трампа к власти, ситуация коренным образом изменилась. Угроза войны в Боснии и Герцеговине внезапно резко снизилась. Администрация Трампа встала на сторону руководства Республики Сербской и совместно с Москвой способствовала переносу запланированного референдума об отделении, а также инициировала переговоры между конфликтующими сторонами.

Тем самым Вашингтон сорвал британскую стратегию эскалации. Американцы взяли ситуацию под контроль не просто благодаря своему военному превосходству, а изменив политические условия, способствовавшие обострению конфликта. Решающим шагом стало устранение непосредственного повода, который мог спровоцировать противостояние.

Это развитие событий служит примером того, что интересы США и Великобритании далеко не всегда совпадают.

Запад не является единой силой: противостояние Вашингтона и Лондона

Крайнер показывает, что кажущийся единым Запад на самом деле представляет собой систему, в которой существуют конкурирующие центры силы. Правительство в Вашингтоне вполне может проводить политику, противоречащую интересам влиятельных кругов в Лондоне. И здесь также необходимо проводить различие между американской государственной властью и транснациональной сетью финансового и политического влияния, которая исторически формировалась и продолжает формироваться в значительной степени под воздействием британских интересов.

Крайнер обращает внимание на то, что США изначально возникли как альтернатива Британской империи.

Бостонское чаепитие — политическая акция протеста, состоявшаяся 16 декабря 1773 года в Бостоне, в ходе которой американские колонисты выбросили в гавань 342 ящика чая, принадлежавшего Британской Ост-Индской компании. Это событие стало одним из ключевых моментов в обострении конфликта между Великобританией и её североамериканскими колониями накануне Американской революции.

Декларация независимости 1776 года ознаменовала успешное освобождение от формального господства Лондона над американскими колониями.

Однако, по мнению Крайнера, впоследствии эта ситуация отчасти изменилась в обратную сторону: хотя США и стали ведущей военной державой мира, в некоторых вопросах внешней политики, а особенно в условиях господства финансовой олигархии, они по-прежнему находятся под влиянием структур, которые служат прежде всего не американским интересам. Крайнер описывает эти структуры как сеть, объединяющую политических функционеров, представителей спецслужб, аналитические центры и влиятельные общественные круги. Таким образом, по его мнению, отдельные части американского государственного аппарата руководствуются не только Конституцией и принципами национального суверенитета, но и интересами транснациональных властных структур.

Для обозначения этой структуры Крайнер использует термин «глубинное государство» (Deep State). Под ним он понимает не просто профессиональный государственный аппарат, действующий на постоянной основе, а неформальную структуру власти, которая влияет на политические решения, ограничивает свободу действий демократически избранного правительства и располагает практически неисчерпаемыми финансовыми ресурсами. Приход Трампа к власти изначально

стал также проявлением внутреннего сопротивления в США сложившемуся распределению власти. Частичное противостояние между администрацией Трампа и британской финансовой империей Крайнер в определённом смысле рассматривает как обострение этого конфликта.

Истинная власть финансового капитала: господство через долговую зависимость вместо оккупации

Центральное место в экономической части интервью занимает тезис Крайнера о том, что современное имперское господство осуществляется прежде всего через финансовую систему. Военная сила играет важную роль, однако не является главной движущей силой этой системы. Решающее значение имеет способность ставить другие страны в долгосрочную финансовую зависимость и контролировать возникающие в результате денежные потоки.

Крайнер описывает бизнес-модель «Британской империи нежити» как сочетание трёх основных элементов: долговой зависимости, природных ресурсов и выкачивания богатств.

Роль банков: «Конвейер по выкачиванию богатств»

При этом компания, непосредственно занимающаяся добычей сырья, вовсе не обязательно оказывается главным выгодоприобретателем. Нефтяная компания должна нанимать персонал, строить производственные объекты, обеспечивать энергоснабжение, справляться с техническими рисками и организовывать добычу. Она является частью реальной производственной цепочки.

Банки же могут получать прибыль за счёт механизмов финансирования, не занимаясь непосредственно добычей или транспортировкой нефти. Их доходы формируются за счёт кредитных требований, процентов, комиссий и других финансовых операций.

Конвейер: богатства стран перетекают в хранилища финансовой олигархии.

Поэтому Крайнер выдвигает тезис о том, что реальная власть сосредоточена не обязательно в руках крупных промышленных компаний, находящихся на виду, а скорее у тех финансовых институтов, которые определяют условия их финансирования.

Образ, который использует Крайнер, — это конвейер: с одной стороны находятся сырьё, труд и реальная экономическая деятельность. С другой — долговые требования, процентные платежи и доходы на капитал. Этот конвейер переносит часть созданной в развивающейся стране добавленной стоимости в международные финансовые центры.

Энрико Маттеи: альтернативная модель экономической политики, ориентированной на национальные интересы

В качестве противоположного примера своей модели империализма, основанного на господстве финансового капитала, Крайнер приводит итальянского промышленного руководителя Энрико Маттеи.

После Второй мировой войны Маттеи создал итальянский энергетический концерн Eni и стремился снизить зависимость Италии от крупных международных нефтяных компаний.

Его стратегия заключалась в заключении прямых и взаимовыгодных соглашений со странами, богатыми природными ресурсами. Италия должна была получать энергоресурсы, а страны-партнёры — инвестиции, инфраструктуру, возможности для промышленного развития и создания рабочих мест.

В рамках этой модели экономическое сотрудничество было направлено не столько на создание максимальной долговой зависимости более слабого партнёра, сколько на получение взаимной выгоды за счёт реальной экономической деятельности.

Было налажено масштабное сотрудничество со странами Северной Африки и Советским Союзом. Например, Италия могла поставлять промышленную продукцию и стальные трубы, получая взамен нефть. Подобные соглашения позволяли оказывать ценовое давление на крупнейшие нефтяные компании, уже занимавшие прочные позиции на рынке. Маттеи не подчинял экономическое развитие своей страны интересам международных финансовых институтов. Италия должна была располагать собственными промышленными мощностями, собственными предприятиями и возможностью проводить самостоятельную экономическую политику.

Маттеи, как утверждается, был устранён по тем же причинам, что и Альфред Херрхаузен: он поставил под сомнение модель геополитического господства упомянутой империи — в его случае включая крупнейшие нефтяные корпорации и стоявшие за ними финансовые структуры. Маттеи погиб в 1962 году в авиакатастрофе, которая, согласно этой версии, была преднамеренным покушением, организованным ЦРУ по поручению «глубинного государства» (Deep State).

Таким образом, Маттеи — один из многочисленных примеров влиятельных людей, которые, согласно этой версии, были устранены за стремление успешно реализовать альтернативную экономическую модель.

Системное принуждение капитализма: империализм — сознательный выбор или структурная необходимость?

В ходе беседы Паскаль Лоттац поднимает важный теоретический вопрос: является ли описанная система результатом целенаправленных решений отдельных представителей финансового капитала, то есть носит ли она преднамеренный характер, или же она возникает в силу внутренних закономерностей капитализма, то есть обусловлена самой системой?

Этот вопрос затрагивает фундаментальные разногласия между различными теориями политической экономии.

Системное объяснение империализма, предложенное Карлом Марксом и прежде всего Владимиром Ильичом Лениным («Империализм как высшая стадия капитализма», 1916), исходит из того, что капиталистическая конкуренция и необходимость постоянного накопления капитала в силу самой внутренней логики капитализма порождают стремление к экономической экспансии, которое требует поддержки со стороны государственной власти. Именно этим объясняется раздел мира между великими державами.

Согласно такому структурному объяснению, компании и финансовые институты в определённых условиях конкуренции неизбежно, в силу самой логики системы, вынуждены стремиться к более высокой доходности, искать новые рынки сбыта, более выгодные условия производства и надёжные возможности для вложения капитала.

Крайнер не согласен с исключительно системным объяснением. Он подчёркивает, что развитие событий в значительной степени носит преднамеренный характер. Эта система не является просто результатом действия безличных рыночных сил. Её

формируют конкретные люди, которые принимают решения, отстаивают свои интересы, финансируют институты и влияют на политические процессы.

С его точки зрения, участвующие в этом процессе силы обладают определённой свободой выбора целей и способов их достижения. Они стремятся формировать экономические и политические условия таким образом, чтобы обеспечить долгосрочную защиту своих интересов. Крайнер разделяет представление о том, что интересы капитала могут способствовать расширению отношений господства и зависимости. Однако он идёт дальше: за наблюдаемыми закономерностями он видит сознательно скоординированную стратегию международных элит, направленную на сохранение собственной власти.

Особенность аргументации Крайнера заключается в том, что он рассматривает эти пять положений не как независимые друг от друга явления, а как звенья единого замкнутого цикла: финансовые интересы влияют на политику; политическая власть создаёт экономическую зависимость; геополитические конфликты меняют расстановку сил; технологическое развитие расширяет возможности контроля; а общественное восприятие во многом определяет, будут ли эти отношения восприниматься как должное или подвергаться сомнению.

Эта модель представляет собой достаточно плодотворную отправную точку для дискуссии о власти, капитализме и внешней политике. Однако её слабость заключается в том, что порой она объединяет совершенно разные процессы в единую всеобъемлющую объяснительную схему. При отсутствии конкретных доказательств вполне обоснованная критика существующих структур может превратиться в трактовку, которую практически невозможно опровергнуть: тогда любое развитие событий, даже противоречащее первоначальным предположениям, воспринимается как очередное подтверждение могущества системы.

Перспективы

На страницах нашего блога Forum Geopolitica мы уже неоднократно обращали внимание на нынешнее системное противостояние между реальным и финансовым секторами экономики. Так, в статье «Намечается эпохальный перелом» мы показали, что международная финансовая олигархия жизненно заинтересована в том, чтобы находить государства или их руководителей, готовых на постоянной основе брать займы на «денежном рынке». Примером служит нынешняя Германия с её так называемыми «специальными фондами» (Sondervermögen).

Однако если крупные государства начинают создавать суверенную реальную экономику, способную обеспечивать потребности собственного населения и не зависящую в долгосрочной перспективе от внешних заимствований, они тем самым лишают кредитных акул источников дохода. Именно здесь, по всей видимости, и кроется главная причина войн как на Украине, так и теперь против Ирана: Россия, Китай и Иран недоступны для этих кровопийц. Поэтому их необходимо подчинить своей власти, прежде чем их экономическая политика, ориентированная на развитие суверенной реальной экономики, распространится по всему миру. Или хотя бы максимально отдалить момент, когда это произойдёт.

Однако страны Глобального Юга, государства БРИКС и многие другие последовательно продолжают двигаться по пути укрепления своего суверенитета. Если эта тенденция распространится по всему миру, финансовому могуществу описанного Крайнером «зомби» придёт конец. В этом контексте становится понятно, почему нынешняя мировая война ведётся с таким ожесточением и непримиримостью и почему не остаётся никаких возможностей для дипломатического урегулирования: это предсмертная агония неоколониализма. Паразит погибает, когда больше не может найти себе хозяина, за счёт которого он существует. А договориться с паразитом невозможно.

Участники беседы:

Алекс Крайнер — уроженец Хорватии, рыночный аналитик, писатель и бывший управляющий хедж-фондом, проживающий в Монако. Известен своей экспертизой в области торговли сырьевыми товарами и геополитического экономического анализа. Он является основателем компаний KRAINER ANALYTICS и I-System Trend Following, а также автором книг «Библия следования за трендом Алекса Крайнера» (Alex Krainer's Trend-Following Bible), «Управление неопределённостью» (Mastering Uncertainty) и «Великий обман» (Grand Deception, запрещена). Кроме того, он регулярно публикует материалы на своей платформе Alex Krainer's Substack. Подробнее о его биографии можно узнать здесь.

Доктор Паскаль Лоттац — доцент Киотского университета, где он занимается исследованием нейтралитета в международных отношениях и руководит исследовательской сетью neutralitystudies.com. Он получил степень магистра и защитил докторскую диссертацию в Национальном институте политических исследований (GRIPS) в Токио. Ранее занимался научной и преподавательской

деятельностью в Университете Васэда и Университете Темпл (японский кампус). Среди его последних книг — «Швеция, Япония и долгая Вторая мировая война» (Sweden, Japan, and the Long Second World War, Routledge, 2022), «Нейтралитет после холодной войны: нейтральные государства и международная система после окончания холодной войны» (Neutral Beyond the Cold, Lexington Books, 2022) и «Представления о нейтралитете» (Notions of Neutralities, Lexington Books, 2019). Кроме того, он является автором статей «Исследования нейтралитета» (Neutrality Studies) для Оксфордской энциклопедии и «Политика и дипломатия нейтралитета» (The Politics and Diplomacy of Neutrality) для Оксфордской библиографии.

Здесь вы найдёте список его актуальных публикаций. На его YouTube-канале Neutrality Studies регулярно выходят весьма информативные интервью. Также стоит заглянуть на его страницу Pascal Lottaz Substack.

ТЕГИ СТАТЬИ:

Анализ Видео Алекс Крайнер Великобритания Уолл-стрит Лондонский Сити